

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ**

**ЕКАТЕРИНА
ФУРЦЕВА**

**ЛЮБИМЫЙ
МИНИСТР**

**Нами Микоян
Феликс Медведев**

**Феликс Николаевич Медведев
Нами Артемьевна Микоян
Екатерина Фурцева. Любимый министр
Серия «Лучшие биографии»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373239
Екатерина Фурцева. Любимый министр / Нами Микоян, Феликс Медведев.: Авторское;
ISBN 978-5-4320-0009-5*

Аннотация

Эта книга имеет несколько странную предысторию. И Нами Микоян, и Феликс Медведев в разное время, по разным причинам обращались к этой теме, но по разным причинам их книги не были завершены и изданы.

Основной корпус «Неизвестной Фурцевой» составляют материалы, предоставленные прежде всего Н. Микоян. Вторая часть книги – рассказ Ф. Медведева о знакомстве с дочерью Фурцевой, интервью-воспоминания о министре культуры СССР, которые журналист вместе со Светланой взяли у М. Магомаева, В. Ланового, В. Плучека, Б. Ефимова, фрагменты бесед Ф. Медведева с деятелями культуры, касающиеся образа Е.А.Фурцевой, а также отрывки из воспоминаний и упоминаний...

В книге использованы фрагменты из воспоминаний выдающихся деятелей российской культуры, близко или не очень близко знавших нашу героиню (Г. Вишневской, М. Плисецкой, С. Михалкова, Э. Радзинского, В. Розова, Л. Зыкиной, С. Ямщикова, И. Скобцевой), но так или иначе имеющих свой взгляд на неоднозначную фигуру советской эпохи.

Содержание

Две незавершенные книги слились в одну...	4
Нами Микоян. Неизвестная Фурцева	6
Последний день	6
«Фигаро» о «Фурцевской афере»	8
«Мой отец покончил с собой...»	11
Сексапильный секретарь МГК партии	13
«Меня обаял Алеша Микоян...»	14
«Подожди...» – Фурцева тут же связалась с Сусловым	15
Министр Фурцева... показывает кино	16
Зайцев сравнил ее с Жаклин Кеннеди	17
Старалась походить на Марецкую	20
Связь с Хрущевым – забавный анекдот?	21
Хрущева спасли Фурцева и Жуков	23
«Муж часто спорил с министром»	24
«Что вы хотите – климакс...»	27
Схватка за гуманитариев	29
«За одного битого сколько небитых дают?»	31
«На лесоповал их всех...»	33
Марк Шагал мог стать народным художником СССР?	36
Как «такое» пропустила цензура?	39
Этот «рыжий» бесчинствует вокруг культуры	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нами Микоян, Феликс Медведев Екатерина Фурцева. Любимый министр

Две незавершенные книги слились в одну...

Эта книга имеет несколько странную предысторию. И Нами Микоян, и Феликс Медведев в разное время, по разным причинам обращались к этой теме, но по разным причинам их книги не были завершены и изданы.

Нами Артемьевна Микоян задумала свою книгу десять лет назад к 90-летию юбилею Е.А.Фурцевой. Мемуаристка, музыковед, мама знаменитого музыканта Стаса Намина, она решила написать о министре культуры СССР не случайно. Первым мужем Нами был сын видного государственного деятеля А.И.Микояна Алексей Микоян, вторым – заместитель министра культуры СССР Василий Феодосьевич Кухарский. Нами Артемьевна сама не раз встречалась с Е.А.Фурцевой, а многолетние рабочие и почти дружеские отношения ее мужа с Фурцевой давали возможность автору более полно и глубоко понять характер, натуру, узнать о событиях личной и деловой жизни одной из самых ярких и неординарных женщин нашей страны.

Ценным для книги материалом стало использование Нами Микоян дневниковых записей мужа, которые он делал в течение всего периода работы с Фурцевой, а также обнаруженные в его архиве письма и документы.

Близко зная дочь Екатерины Алексеевны, Светлану, Нами беседовала с ней о маме. Помогало Нами и то, что в кругу ее друзей – яркие личности, близко знавшие Фурцеву. Знакомясь с их воспоминаниями, Нами выбирала те, которые наиболее полно раскрывают образ выдающейся женщины.

Но издать ту книгу Нами Микоян не удалось. Собранный материал почти десять лет пролежал в письменном столе.

Обращение же Ф.Медведева к теме Фурцевой абсолютно случайно. В 1995 году он неожиданно познакомился с ее дочерью Светланой. Что вышло из этого общения, а точнее, что не вышло, он рассказывает во второй главе книги.

Теперь о главном.

С Нами Микоян журналист познакомился лет пять назад – пришел за интервью для газеты. После первой беседы встречи стали постоянными, почти дружескими. С огромным интересом он слушал рассказы о ее встречах с Арамом Хачатуряном, Арно Бабаджаняном, Родионом Щедриным, Майей Плисецкой, о чудодейственном влиянии Вольфа Мессинга на всю дальнейшую жизнь Нами после первой с ним встречи в 60#х годах, о Йоко Оно, жене легендарного Джона Леннона, о крупном современном политике Евгении Примакове... О многом и о многих... И конечно, о Фурцевой. Как-то Нами посетовала, что у нее мертвым грузом лежит недописанная книга о Екатерине Алексеевне, а журналист признался о своей такой же неудачной попытке. Родилась идея – соединить две рабочие папки в одну. Тем более что приближался 100-летний юбилей министра культуры великой страны.

Основной корпус «Неизвестной Фурцевой» составляют материалы, предоставленные прежде всего Н. Микоян. Вторая часть книги – рассказ Ф. Медведева о знакомстве с дочерью Фурцевой, интервью-воспоминания о министре культуры СССР, которые журналист вместе со Светланой взяли у М. Магомаева, В. Ланового, В. Плучека, Б. Ефимова, фрагменты бесед Ф. Медведева с деятелями культуры, касающиеся образа Е.А.Фурцевой, а также отрывки из воспоминаний и упоминаний...

То, что книга стала наполовину книгой-интервью, – идея журналиста. Во-первых, интервью – его любимый жанр, а во-вторых, авторам показалось, что живой разговор, при котором темы возникают спонтанно, без особой хронологии, делает повествование динамичным, а образ героини объемным и более полноценным.

Авторы благодарят Марину, внучку Екатерины Алексеевны Фурцевой, и библиотеку имени Е.А.Фурцевой за предоставленные фотоиллюстрации.

В книге использованы фрагменты из воспоминаний выдающихся деятелей российской культуры, близко или не очень близко знавших нашу героиню (Г. Вишневской, М. Плисецкой, С. Михалкова, Э. Радзинского, В. Розова, Л. Зыкиной, С. Ямщикова, И. Скобцовой), но так или иначе имеющих свой взгляд на неоднозначную фигуру советской эпохи.

Надеемся, прочтя эту книгу, читатель каждый по-своему ответит на вопрос, любила ли Фурцева Брамса.

Нами Микоян,
Феликс Медведев

Нами Микоян. Неизвестная Фурцева

Последний день

Утром 24 октября 1974 года в приемную министра культуры СССР позвонила Зоя Туманова, заместитель заведующего отделом культуры ЦК и, неожиданно поинтересовавшись, как здоровье Екатерины Алексеевны, попросила помощницу под каким-то предлогом зайти к Фурцевой. Та зашла. Екатерина Алексеевна сидела сама не своя с задумчиво-потерянным взглядом. Всегда исключительно ухоженная прическа была не в порядке. Помощница попросила разрешения поправить ей волосы, потом предложила выпить крепкого чаю. Фурцева согласилась. Официантка Верочка принесла чай.

В приемной ждала народная артистка СССР Вера Дулова. Помощница подумала, что Фурцева вряд ли ее примет. Но когда через некоторое время с какими-то бумагами зашла снова, увидела Дулову уже в кабинете. Рабочий день Екатерины Алексеевны был загружен, как обычно, множество посетителей...

Хозяйка министерского кабинета слегка перекусила в маленькой комнате возле кабинета, одна. Вечером ей предстояло сделать приветственный доклад в честь юбилея Малого театра. Но часов в шесть она узнала, что выступать будет Николай Подгорный.

Последнее время вокруг Фурцевой сжимались тиски. Сильнейшим ударом стало ее избрание в конце 1973 года депутатом Верховного Совета СССР. Для гордой и честолюбивой женщины это означало крах дальнейшей карьеры.

Неоднократно секретарь ЦК Андрей Кириленко попрекал Фурцеву строительством личной дачи. Отчитали ее и на секретариате ЦК. Не удержалась, ответила резко. По коридорам повсюду шли разговоры о том, что вот-вот секретаря ЦК Демичева снимут с должности и, оставив в Политбюро, назначат на другую работу. Скорее всего, министром культуры. Что же тогда будет с ней?

Накануне, во время гастролей в Голландии, скончался Давид Ойстрах, которого Фурцева очень любила. Она отговаривала его от поездки, зная, что у музыканта большое сердце. Вместе с Василием Феодосьевичем Кухарским, замом, написали некролог, под которым потом поставят подписи руководители партии и правительства, деятели искусств.

На приеме в Малом театре старалась держаться непринужденно, сделала несколько глотков «Боржоми», рано ушла. Заехала к дочери, посидела недолго, была грустна. Села в машину и уехала домой. Муж еще не вернулся. Около одиннадцати позвонила дочери. Та удивилась:

– Мама, почему у тебя такой голос?

– Ничего, утром я позвоню.

Набрала номер Людмилы Зыкиной, сказала ей несколько слов. Приняла душ. Из ванной уже не вышла... Без десяти час в квартире Светланы снова раздался звонок, звонил Николай Павлович Фирюбин: «Мамы больше нет»... И положил трубку.

На панихиде в новом здании Художественного театра на Тверском бульваре (год назад Фурцева с воодушевлением выступала на его открытии) многие плакали. С прощальными словами выступали Кухарский, Царев и другие. Константин Симонов произнес проникновенные слова: «Екатерина Алексеевна всегда имела смелость сказать «да» – и делала все, чтобы поддержать, помочь... Имела смелость сказать «нет» – и ее поступки всегда соответствовали сказанному. Так поступать могла только большая, светлая личность».

Дочери Фурцевой писатель отправил телеграмму:

«Милая Светлана, даже не могу слов найти – так это горько сознавать, что больше нет на свете такого замечательного, храброго и благородного человека – каким была Ваша мама. Я любил и глубоко уважал ее и вместе с Вами горюю сегодня. Моя жена и дочери глубоко соболезнуют Вам и Вашим близким.

Крепко жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин Симонов.

25. X.74».

«Фигаро» о «Фурцевской афере»

Из дневника Василия Кухарского:

«Перечитываю свой дневник: опять Париж, опять наш фестиваль. В отеле каждый вечер заполнял меню на завтрак следующего утра. Следовало отмечать и нужные мне газеты, чего я не делал при неидеальном знании французского, английского и прочих языков. И вот в одно прекрасное утро приносят газету «Фигаро». Понял, что от меня желают прочтения чего-то, да и официант лукаво улыбался. Это «что-то» оказалось статьей «Фурцевская афера». Статья вроде бы незлобивая, да и само понятие «афера» у французов имеет более мягкий оттенок: «история», «предприимчивость» или что-то в этом роде. Посол Червоненко рассказал мне, что это уже вторая волна по поводу Фурцевой во французской печати. Первая – в связи с ее неизбранием депутатом Верховного Совета. К теме дачи обратились потому, что французам после решительных действий нового президента Жискара д'Эстена по расширению участия женщин в государственном управлении важно было подчеркнуть, что в СССР была одна талантливая баба, да и та...

Летом 1974 года в жизни Екатерины Алексеевны случились большие неприятности. По настоянию дочери она построила под Москвой дачу. Строение было зарегистрировано как личное, хотя в распоряжении министра культуры была и дача государственная. Новостройка получилась ни шикарней, ни дорогостоящей, но газеты по наущению сверху раздули эту историю, уличив министра в стяжательстве. Дело в том, что некоторые стройматериалы приобретались не по коммерческим, а по государственным ценам, хотя многим более высокопоставленным мужам подобное сходило с рук. С Фурцевой же поступили откровенно жестоко. Дачу пришлось сдать государству».

– Я думаю, Нами, неужели Екатерина Алексеевна не знала о неписаном правиле: тот, кому полагалась государственная дача, не должен был обзаводиться собственной?

– К нарушению этого правила наверху относились достаточно серьезно. Но первым его нарушил Брежнев, семья которого потихоньку обзавелась загородным домом. Потом, то один министр, то другой последовали примеру генсека. Уступая настойчивым просьбам дочери, пошла на это и Фурцева. Но, к ее чести, она тщательно следила за тем, чтобы все купленные стройматериалы и труд рабочих оплачивались из личных средств.

Тем не менее, в нее вцепились мертвой хваткой. В итоге, как министру культуры СССР, ей предстояло держать ответ перед самой грозной инстанцией – комиссией партийного контроля при ЦК КПСС. И тогда Екатерина Алексеевна решила позвонить Брежневу. По-видимому, она повинулась перед ним, что взяла грех на душу – завела собственную дачу. Но и вы-то, дескать, там хороши: набросились на меня, единственную среди вас женщину.

Брежневу ничего не оставалось, как отдать распоряжение прекратить расследование «дачного» дела.

Светлана с горечью рассказывала мне обо всем этом. Деньги на строительство собирали всей семьей. Муж Игорь получил гонорар за сценарий и переводы, Светлана – за книгу. Продали машину, набрали двадцать пять тысяч. Но Екатерина Алексеевна, по словам дочери, смотрела на «людское общежитие» совсем по-другому, для нее на первом месте стояло общественное мнение.

Кириленко настаивал на создании комиссии по расследованию инцидента, но у него сорвалось. Фурцевой объявили выговор, дачу постановили отобрать. Деньги же вернули. Семья положила их на сберкнижку. Мама, как говорила Светлана, сразу написала завещание. Хотела, чтобы, когда ее не станет, деньги достались дочери. В последние годы она поняла,

что в случае ее смерти в квартиру на улице Алексея Толстого, где она жила со своим мужем Николаем Фирюбиным, Светлана не войдет. Так оно и случилось.

– О смерти Екатерины Алексеевны много уже говорено и написано. Тема, конечно, трагическая. Почему так неожиданно она ушла из жизни? Было это самоубийство или сердечный приступ? Даже сегодня, спустя много десятилетий, уход из жизни сильной, самобытной женщины трогает сердца людей. Время стремительно летит, многое забывается. Что же все-таки случилось в тот далекий октябрьский день?

– Мы с Василием Феодосьевичем приехали в квартиру Фурцевой и Фирюбина одни из первых. Утром, на следующий день после ее кончины. Надо заметить, что раньше в этой квартире я ни разу не была. Она показалась мне весьма неуютной, почти казенной. Помню ощущение какого-то холода. Хотя квартира хорошая, большие окна, зимний сад при входе... Мы сидели то ли в гостиной, то ли в столовой... Добротная, дорогая мебель, красивые вазы, но уюта не ощущалось. Не чувствовалось семейного тепла.

– Кто вам открыл дверь?

– Точно не помню, кажется, сам Фирюбин, а, возможно, и его дочь Рита. Помню только, что в четырехкомнатной квартире больше никого не было. Фирюбин сообщил, что тело увезли сразу же. Он подробно рассказывал, как Екатерина Алексеевна вернулась из театра, пошла в душ. Приехавшие потом врачи объяснили, что к остановке сердца могла привести резкая смена горячей и холодной воды. Тем более что Екатерина Алексеевна пребывала в состоянии очень сильного возбуждения. Помню, Фирюбин повторял, что на сердце она не жаловалась, но последнее время пребывала в каком-то напряженном, нервическом состоянии.

Позже, когда я начала собирать материалы о Фурцевой, поняла возможную причину случившегося. Накануне Екатерина Алексеевна должна была прочесть приветственное слово на юбилее Малого театра. Но произнести речь ей не дали, сообщив за несколько часов до торжества, что выступить будет Подгорный. Человек чувствительный и по-женски ранимый, она почувствовала интригу, чиновничьи козни. И поняла, что завтра ее могут просто уволить. Все эти события могли привести к инфаркту.

– А могло и к самоубийству: ведь раньше она уже пыталась вскрыть вены... Хотя Светлана мне говорила, что смерть мамы ей показалась не только неожиданной, но и подозрительной... Что она имела в виду, сказать сегодня трудно, но у меня четко осталось в памяти: Светлана с ненавистью произносила имя Фирюбина.

– Думаю, до смертельного сердечного приступа ее довели равнодушные кремлевские чинуши.

– Вы помните реакцию Кухарского на смерть его начальницы?

– Трагедия его потрясла, Фурцеву он очень любил. Искренне. Знал ее недостатки, часто с ней спорил, но дружеские отношения от этого не портились. Хотя бывало так, что, поспорив, они расходились на несколько часов «в разные углы». А на другой день, когда я звонила ему на работу, а звонила я через секретаршу, и спрашивала, можно ли соединиться с Василием Феодосьевичем, та шутливо говорила: «Сейчас нельзя. У него Екатерина Алексеевна, они мирятся».

Муж отмечал соединение в Фурцевой сильной харизмы и женского обаяния. И еще – стремление понять, познать, разобраться, дойти до сути... Она не вела себя, как Михайлов или Демичев, предыдущий и последующий министры культуры, которые сторонились тех, кто как раз и представлял культуру страны. Фурцева же вошла в эту среду сразу, и многие музыканты, писатели, художники поверили ей.

– Вы были на похоронах?

– Знаете, я не могла... А Кухарский потом мне рассказал о том, какое сильное впечатление произвело на него надгробное слово Константина Симонова. Выступали и другие, но

именно Константин Михайлович наиболее глубоко и точно выразил сущность самобытной натуры Екатерины Алексеевны. Еще долго после похорон муж ходил, как потерянный...

– Дорогая Нами, мы начали с вами непростой разговор об удивительной женщине двадцатого века. Наверное, одной из немногих женщин-министров в мире. Я знаю, что вы почти половиной своей жизни так или иначе пересекались с жизнью и судьбой Екатерины Фурцевой.

Я хочу, чтобы читатель нашей книги узнал о вас.

«Мой отец покончил с собой...»

– Ну что ж. Я охотно расскажу о себе, также как я рассказала о себе когда-то давным-давно Екатерине Алексеевне при первой нашей встрече. Произошло это в 1950 году, когда я, перейдя на пятый курс Ереванской консерватории, поехала на летний отдых в сочинский санаторий «Приморье». Мне повезло, моей соседкой по комнате оказалась удивительно обаятельная, статная, подтянутая, очень приятной внешности молодая женщина – секретарь Московского городского комитета партии. Екатерина Алексеевна много плавала, гуляла, прекрасно играла в волейбол. Я узнала, что она родилась в Вышнем Волочке и очень любила спорт, особенно плавание. Советовала и мне заниматься спортом. Было приятно, что Екатерина Алексеевна расспрашивала об учебе, о родных, об Армении.

Я рассказывала новой знакомой о своем отце, который сразу после того, как в 1921 году в Грузии установилась советская власть, был выбран секретарем Телавского райкома партии. Отец жил будущим, и я была для него тем человеком, который увидит это самое будущее – светлое и прекрасное. Помню, что в доме находилось множество фотографий: строящихся в Телави моста, стадиона, больницы, гостиницы. Екатерина Алексеевна поинтересовалась, почему у меня такое необычное имя, и я рассказала ей, что имя мне придумал отец.

Сначала он хотел назвать меня в честь своей матери, моей телавской бабушки Гаянэ, но потом справедливо решил, что у человека нового времени и имя должно быть новым. Он учился тогда в институте НАМИ (Научный автомобильный и автотранспортный институт), этой аббревиатуре я и обязана своим именем. А поскольку НАМИ напоминает грузинское слово «роса», я всем объясняю, что мое имя – роса. Нельзя же говорить, что мое имя – научный автотранспортный институт...

Отца я видела редко, он был занят на работе – в Потии, в Чакве, в горах. При нем благоустроивался прекрасный город Батуми, построили новую набережную, осушили болота Колхиды. Под его руководством построили лимонарий, разбили чайные и мандариновые плантации. С гордостью я отметила Фурцевой, что отец стал прообразом главного героя книги Константина Паустовского «Колхида», а Михаил Кольцов написал о папе статью, опубликованную в приложении к журналу «Огонек». В ней говорилось о строительстве новой жизни в Аджарии и о том, сколько сделал для этого мой отец Артем Геурков.

Хотя отец был первым лицом в Аджарии, жили мы скромно в одноэтажном особнячке из четырех комнат на улице Энгельса, таких особнячков в Батуми было много. Лето проводили в Цихидзири у моря. Других особых привилегий я не помню.

Моя мама, Ксения Анатольевна Приклонская, из старинного дворянского рода, кстати, к этому роду принадлежал поэт Веневитинов. После окончания института в 1932 году мама работала агрономом на Зеленом мысе в Ботаническом саду, созданном академиком Вавиловым. Там я проводила целые дни.

Летом 1937 года отца назначили заместителем председателя Совнаркома Грузии, и мы переехали в Тбилиси. Но на смену дням радости пришли дни печали. Отец стал молчаливым и замкнутым.

Когда я рассказывала об этом Екатерине Алексеевне, мне показалось, что она все поняла. А это «все» заключалось в том, что отец сам ушел из жизни. Он заперся в своей комнате и что-то долго писал за столом. Потом позвал меня к себе, посадил на тахту. В углу стояли собранные вещи, бумаги, на столе лежало ружье. Я тогда, конечно же, ничего не понимала. Отец поцеловал меня и сказал, как взрослой: «Что бы ни случилось, Нами, верь в партию!»

Ночью мы с мамой проснулись от звука выстрела...

От папы остались две открытки, присланные мне, тогда восьмилетней: одна большая, с котятами – из Парижа, другая, с детьми – из Батуми. На одной из открыток он написал: «Приезжай, скучно без тебя!» И еще сохранилась шкатулка из Италии «O Sole mio» – вот и все.

Сексапильный секретарь МГК партии

...Новая знакомая с интересом слушала мои рассказы. Проведенные вместе вечера запомнились мне человеческим теплом и дружеской атмосферой.

Я уезжала раньше. На прощание, поцеловав меня, Екатерина Алексеевна сказала: «Оставайся всегда такой, какая ты есть!» Сама же она запомнилась стройной, улыбающейся, энергичной... С легкими светлыми прядками, развевающимися от южного ветерка.

– Простите, Нами, шестьдесят лет назад вы были совсем молоденькой девушкой, а ваша соседка пребывала в самом расцвете женского естества. Наверняка на нее заглядывались мужчины, тем более на курорте, под жарким южным солнцем...

– Да, это так. Если говорить сегодняшним языком, я бы назвала фигурку, стройные ноги и обаяние Фурцевой сексапильными. Даже в обычных летних светлых сарафанчиках она выглядела весьма привлекательно. Общительная, дружелюбная, но привычного для южного города курортного романа или даже невинного легкого флирта, как мне показалось, она не допускала. Я замечала, что мужчины провожали ее взглядом, но она соблюдала дистанцию в общении с представителями противоположного пола. Чтобы мужчина начал ухаживать за женщиной, он должен получить от нее некий сигнал. Екатерина Алексеевна этого сигнала не давала: дружеское общение – да, но на мужские знаки внимания она не реагировала. Ее беззаботность, навеянная солнцем и ласковым морем, сменялась легкой задумчивостью, радость – светлой грустью, а от всего облика веяло теплотой и заботой, свойственными русским женщинам.

Хочу заметить, что в том же 50-м году моя жизнь резко изменилась: я вышла замуж и переехала в Москву.

«Меня обаял Алеша Микоян...»

Мой дядя Григорий Арутюнов, шестнадцать лет возглавлявший компартию Армении, фактически удочерил меня после гибели отца. После войны он часто бывал в Москве по служебным делам. Если поездка совпадала с каникулами, мы ехали вместе с ним. Когда мы с дядей приезжали в Москву, нас обычно приглашал на дачу Анастас Иванович Микоян, тогда член Политбюро. Мы с тетей знали его еще по Еревану, он был депутатом от Армении и приезжал в связи с выборами в Верховный Совет.

Семья Микояна была большая и гостеприимная. Часто приходили гости, особенно им радовалась молодежь: все вместе смотрели зарубежные фильмы, играли на бильярде. Анастас Иванович и его жена Ашхен Лазаревна имели пятерых сыновей. Один из них – Володя – погиб во время войны в воздушном бою под Сталинградом. Старший – Степан, авиаинженер и летчик-испытатель, уже был женат. Третий – Алексей, военный летчик, служил в авиаполку в Кубинке и учился в Военно-воздушной академии в Монино. Четвертый сын – Вано учился в Академии имени Жуковского, а пятый, Серго – в Институте международных отношений.

С Алешей я общалась больше, чем с другими. Он был мне симпатичен: обаятельный, в летной форме, с военной выправкой. Я радовалась его появлениям в нашей гостевой квартире в Армянском переулке при постпредстве Армении, где дядя останавливался во время командировок в Москву. Однажды Алеша неожиданно позвонил в Ереван. Вскоре звонки стали регулярными: мы разговаривали каждый вечер, он говорил, что думает обо мне, скучает, хочет видеть. В августе 1950 года Алеша приехал в Ереван к своим родственникам, пришел к нам, признался мне в любви и попросил стать его женой. Я согласилась.

Это были очень счастливые годы в нашей жизни: у нас родился сын, потом дочь. Жили в авиационных гарнизонах, в Москве, во время отпусков мужа много путешествовали. Отдыхали в Карловых Варах в Чехословакии. Санаторий «Империял» после войны оставался в советском ведении. Однажды туда приехала Екатерина Алексеевна со своим вторым мужем Николаем Фирюбиным, послом СССР в Югославии. Они только что поженились и проводили в Карловых Варах медовый месяц. Замечательно красивая пара... Что они влюблены, было заметно даже по тому, как они смотрели друг на друга, как держались за руки... На все это я обращала внимание, поскольку и сама была молодой, счастливой и влюбленной. Я радовалась, глядя на нее, да и ей было приятно видеть, как удачно начинается моя семейная жизнь.

«Подожди...» – Фурцева тут же связалась с Сусловым

В следующий раз мы встретились с Екатериной Алексеевной лишь в 1957 году на стадионе «Динамо» на футбольном матче. В те годы футбол был очень популярен, на него ходили все. На трибуне мы с Фурцевой сидели рядом. Она тогда уже была секретарем ЦК. Разговорились. Екатерина Алексеевна расспрашивала, как мои родные, особенно дядя Григорий Арутюнов, которого она хорошо знала. Дядю в 1954 году Хрущев снял с должности первого секретаря ЦК компартии Армении. Некоторое время он работал директором овощного совхоза, позже вынужден был переехать в Грузию, но работы там найти не мог – отказывали. Мжаванадзе, первый секретарь ЦК партии Грузии, честно признался: «Боюсь гнева Хрущева!» – рассказывала я Фурцевой.

Квартира у них была маленькой и очень неудобной, без кухни и туалета. Я отправила их в сочинский санаторий и занялась ремонтом. Материалы по госцене помог достать горсовет. Вернулись родные в квартирку, где была привычная атмосфера домашнего уюта: книги на деревянных полках, сделанных из ящиков, в которых их привезли из Еревана, на столе белая крахмальная скатерть. Но радость близких людей омрачалась тем, что работы не предвиделось. Жить им становилось все труднее, приходилось продавать вещи: бурку, теплый, подбитый овчиной казакин, в котором зимой дядя ездил в районы. Жили родные скромно, но привычно, их быт изначально сложился так, что на еду много денег не тратили. Я помогала, чем могла: мой муж к тому времени уже стал полковником, и я смогла посылать им деньги.

Вскоре дядя оказался в больнице с инфарктом. В Москве я просила свекра, Анастаса Ивановича Микояна, дать мне совет: что делать? Надеялась, что дяде, которому к тому времени исполнилось пятьдесят пять, дадут пенсию по инвалидности. Он резко отмахнулся от меня: «Неужели не понимаешь? Я не могу ничего сделать, Хрущев против Арутюнова».

На футбольном матче я честно сказала Фурцевой, что дядя серьезно болел, сейчас поправляется, но впереди тупик – работы все равно нет. Она отреагировала очень бурно: «Завтра придешь ко мне на Старую площадь. Позвони утром». Наутро я позвонила и пришла к ней в кабинет. Она связалась с Суловым, вышла и сказала мне: «Подожди!» Вернулась через полчаса: «Арутюнов будет работать в Госплане Грузии. Передай ему, пусть не волнуется!»

Трудно передать словами мою радость и благодарность! В работе отказывали все, кто мог помочь, – боялись Хрущева и откровенно об этом говорили. Откликнулась только Фурцева, не дожидаясь просьбы, сама предложила помощь.

Я побежала в больницу на Грановского, рассказала дяде о своей встрече с Екатериной Алексеевной. Он сразу посветлел лицом и даже стал бодрее. Вскоре они с тетей вернулись в Тбилиси, и он вышел на новую работу. Но проработал на ней только месяц – в городе началась эпидемия гриппа, дядя заболел в свой день рождения – 7 ноября. Через два дня его не стало. На похороны пришел весь Тбилиси.

Министр Фурцева... показывает кино

Как-то я встретила Екатерину Алексеевну в доме приемов на Воробьевском шоссе, где регулярно Хрущев и члены Политбюро с семьями смотрели кинофильмы. Ее тогда только что назначили министром культуры СССР, в функции которого входила обязанность организовывать показ фильмов для кремлевских руководителей. Это, по-видимому, ее немного смущало. Она стояла в стороне, и мне показалось, чувствовала себя не в своей тарелке. Я подошла. Фурцева очень обрадовалась, стала вспоминать наш совместный отдых в Сочи. Стоявшему рядом Анастасу Ивановичу объяснила: «Мы с Нами жили в одной комнате в сочинском санатории, и с тех пор я ее искренне полюбила!» Такой смущенной я ее больше никогда не видела. На официальных встречах она была всегда уверенной в себе.

Зайцев сравнил ее с Жаклин Кеннеди

– Войдя в семью крупного партийного деятеля Микояна, вы, конечно же, познакомились с бытом политической верхушки, с ее привилегиями. Наверняка бывали на светских раутах, кремлевских приемах. Как выглядел женский «бомонд» в те времена, когда западная мода с трудом продиралась сквозь железный занавес?

В 1989 году в Париже я брал интервью у русской писательницы княгини Зинаиды Шаховской. В 50-х годах она как жена французского дипломата некоторое время жила в Москве. Я спросил, приходилось ли ей общаться с нашим министром культуры и, если да, какое впечатление на нее произвела Фурцева. «Конечно, я помню Екатерину Фурцеву, статную русскую красавицу типа «есть женщины в русских селеньях», – сказала Зинаида Алексеевна. – Среди всех официальных дам ее нельзя было не заметить».

Екатерина Фурцева действительно выделялась на фоне пышнотелых жен вождей?

– Интересный штрих... Могу сказать, что перемены, произошедшие после смерти Сталина, принесли изменения в жизнь членов правительства. Хрущев, придя к власти, решил выселить из Кремля его жильцов, а потому по его указанию и, к сожалению, по его вкусу было построено двенадцать двухэтажных особнячков. Так незаметно входил новый порядок – не стесняться привилегий.

В здании ГУМа открыли так называемую двухсотую секцию. Официально для иностранных гостей, но на самом деле ею в большей степени пользовались члены семей правительства и те, кто стоял поближе к правительственным кормушкам. Моя свекровь Ашхен Лазаревна об этом не знала, и только году в 60-м кто-то из помощников Анастаса Ивановича рассказал ей об этом магазине. Она послала нас, невесток, и мы поехали в новый для нас магазин, где в небольшом зале (потом его увеличили) был самый разный выбор любых товаров.

Денег у нас особо не водилось, поэтому мы покупали только самое необходимое.

Те, кто имел коммерческую жилку и не обременял себя высокими моральными принципами, приобретали в этой секции редкие тогда дубленки, платиновые кольца, меха (стоили они в то время сравнительно недорого), обувь, непривычные для нас куртки и занимались спекуляцией, перепродавая их намного дороже. Я этого делать не могла – по совести, да и практичности не хватало, к тому же в 60-е годы, работая в журнале «Советская музыка», я получала 100 рублей.

Еще до появления двухсотой секции ГУМа был небольшой магазинчик напротив Кремля на территории «Арсенала» – это влево от Троицких ворот, в доме, опоясывающем Александровский сад. Директором и продавцом «однокомнатного» магазинчика был некто Борисов, мужчина с военной выправкой. Иногда мы тоже туда ходили, но чаще одевались в ателье. Никакими специальными торговыми складами семья Микояна не пользовалась, думаю, так жили и другие члены правительства. В упомянутом закутке Военторга продавались валенки, мыло, трикотажное белье, чулки, носки, одеколон, иногда шерстяные кофточки – большая редкость для того времени. Однажды там я купила три отреза красивой, гладкой ткани – черный, синий и коричневый – в подарок маме и родственницам. Долго они носили платья, пошитые из преподнесенной ткани.

Семья Микояна изначально жила скромно. Питание частично оплачивалось государством, остальное добавлялось из зарплаты работающих сыновей, которые жили вместе с отцом. Никакими деликатесами за столом не пахло, хотя возможности для покупки вкусной еды имелись. Существовала специальная продуктовая база, обслуживающая членов правительства, где можно было заказать любые продукты, изготовленные на территории СССР.

Однако еще при Сталине, который сам отличался чрезвычайным аскетизмом в быту, было заведено правило не злоупотреблять своими привилегиями. Его соратники старались не нарушать заведенных правил. Женская половина семьи, как правило, обходилась без дорогих украшений, иных предметов роскоши.

Поскольку готовой одежды хорошего качества тогда в СССР не продавалось, шили у частных портных. Ателье мод подразделялись на обычные и ведомственные. Самое «закрытое» и самое престижное было ателье КГБ на Кутузовском проспекте, так называемое ателье Легнера. Легнер – личный портной Сталина, шил ему знаменитые военизированные френчи. В этом же ателье одевались некоторые женщины из семей членов правительства. Обшивала их одна из лучших портних Москвы Нина Матвеевна Гупало, мать журналиста Аджубея, будущего зятя Хрущева.

Моя свекровь, Ашхен Лазаревна, была очень скромна в быту. Никаких драгоценностей – колец, серег и прочего она не имела. Новые платья Ашхен Лазаревна шила редко, но вкус у нее был хороший. Когда в Москву приезжал Ричард Никсон с женой, на приеме присутствовали жены членов советского правительства, среди дам из простонародья шестидесятилетняя Ашхен Микоян в элегантном черном костюме от Нины Гупало, сшитом еще сразу после войны, и маленькой черной шляпке смотрелась очень выигрышно. Ее фотографию даже напечатал журнал «Лайф».

Для меня быть хорошо одетой значит не обязательно быть одетой дорого или нарочито роскошно, главное – элегантно, со вкусом. Еще в Армении я имела счастливую возможность доставать зарубежные журналы. Конечно, мне, молодой девушке, было любопытно все, что связано с модой, стилем, красотой. С огромным вниманием я вглядывалась в фотографии представителей английской королевской семьи. На снимках красовались безупречно одетые женщины: великолепно сшитые строгие костюмы, платья, пальто. Увы, не все из наших дам, приближенных к власти, умели выглядеть элегантно. Иногда приходилось наблюдать неуместную роскошь, порой плохо скрываемое отсутствие вкуса.

Надо сказать, что Фурцева прекрасно одевалась, предпочитая шить на заказ. Ее муж, будучи послом в Югославии, заказал специальный гипсовый манекен, полностью повторяющий фигуру жены, и заказывал для нее платья с учетом ее вкуса и излюбленной цветовой гаммы. Она следила за модой и хотела, чтобы все советские женщины красиво и модно одевались.

После посещения Общесоюзного дома моделей Екатерина Алексеевна собрала в горьком партии на совещание столичных закройщиц, заведующих ателье и грамотно, профессионально говорила с ними о новых фасонах и модных тенденциях.

Она помогала молодым талантливым модельерам, например, Славе Зайцеву, услугами которого рискнула воспользоваться. Случилось это так.

Однажды, когда Фурцева собиралась идти на чествование Юрия Гагарина, она решила, что в этот торжественный день на ней должно быть маленькое черное платье – скромное и торжественное. Заказать его решили молодому, но подающему большие надежды модельеру Славе Зайцеву. Он оглядел стройную, почти девичью фигуру и спросил: «Что бы вы хотели?» Фурцева пожала плечами: «Что вы, Славочка, меня спрашиваете? Мне нужно маленькое черное платье, а какое – не суть важно. Важно, что я вам доверяю». Екатерина Алексеевна действительно обладала прекрасным чутьем на хороших специалистов. У нее отсутствовали амбиции, которые многим мешают довериться людям, понимающим в сути вопроса значительно больше. Зайцев слегка смутился: «Мне трудно, я не знаю ваших вкусов. Но понимаю, что ваш образ – это образ человека скромного, деликатного». Она чуть заметно кивнула: «Я человек из простой среды, и ярких платьев не могу себе позволить носить. Вы же видите, я даже без украшений хожу. Единственная моя просьба к вам, Слава, я не очень люблю ходить на примерки. Поэтому, если возможно, снимите мерки, а все остальное делайте, как хотите».

Зайцев обрадовался: такое предложение развязало ему руки. В данном случае он не ограничивался рамками, как это было позже, когда он общался с семьей Шеварднадзе, супругой Косыгина или прочими представителями власти и членами их семей, которые всегда его контролировали: «Этого нельзя и этого нельзя, а здесь, пожалуйста, уберите, а тут прибавьте». С Фурцевой у модельера установилось полное взаимопонимание.

Маленькое черное платье получились довольно простым и весьма деликатным: аккуратная горловинка, «правильная» длина до колена, и все по фигуре. В его «объятиях» Екатерина Алексеевна чувствовала себя легко, держалась по обыкновению скромно и с достоинством, выглядела женственно и элегантно.

Недаром сам автор наряда Слава Зайцев сравнил заказчицу с Жаклин Кеннеди, но лишь по осанке и умению держаться. Фурцева более сильная личность. Без надлома и женской ранимости, хотя, может быть, она это лучше скрывала.

Кинорежиссер Владимир Наумов называл образ Фурцевой «готическим», сравнивая ее стиль с готической архитектурой.

Галина Волчек считала ее очаровательной, не лишенной природного вкуса. Вспоминая ее знаменитое «черное платье», Волчек говорит, что у каждой женщины должно быть такое в гардеробе, но сама увидела его впервые на Фурцевой. Министр и... образец элегантности.

Падчерица Екатерины Алексеевны, Маргарита Фирюбина, мне говорила: «Маленькое черное платье приводило в восторг не только женщин, но и мужчин. Выходит министр на прием, платье черное, узенькое, стройные ножки в аккуратных черных туфельках, и все мужчины: «А-а-ах!»

Старалась походить на Марецкую

Если посмотреть на фотографии Фурцевой тех лет, замечаешь еще одну деталь: стиль в одежде очень схож со стилем ее любимой актрисы Марецкой. Нарядные блузки с круглыми воротничками, элегантные небольшие вырезы платьев, одинаковая длина юбок, любовь к строгим английским костюмам и прилегающим силуэтам. Что это? Совпадение? Можно, конечно, предположить, что две женщины, умные и с хорошим вкусом, совершенно самостоятельно нашли свой собственный стиль – стиль строгой элегантности, но, вероятней всего, Екатерина Алексеевна воспользовалась находками Марецкой, которую старательно копировала в жизни. Конечно, копировала не слепо – это было бы слишком очевидно, а поэтому, скорей, комично – просто использовала удачные находки, переделывая, примеряя на себя.

В конце концов, Фурцева и сама стала предметом для подражания – деловые дамы копировали ее манеру одеваться, а особенно прическу: волосы, зачесанные наверх и собранные на затылке. Это называлось «Фурцева для бедных». Например, стала так же причесываться секретарь МГК партии Алла Шапошникова. Но если Фурцевой эта прическа очень шла, она как будто с ней родилась, то Шапошникова – невысокого роста, простоватая, полноватая, без шеи – с кукишем на затылке выглядела комично.

Надо сказать, что Фурцева умела себя подать. Есть знаменитая фотография, на которой она стоит, кажется, между Софи Лорен и Элизабет Тейлор. Это во время кинофестиваля в Москве. Так она выглядит не хуже мировых кинозвезд. Видно, что у них все нарисованное: глаза, брови. А она естественная, почти без косметики. Настоящая русская красавица.

Кстати, ее женская притягательность оказалась весьма действенной. Она способна была обаять и мужчин, и женщин. Запад она открыла не с высоты министерского кресла, а через совсем «не уставные», дружеские отношения, вызывавшие большое недовольство компетентных органов. Эти «отношения» к концу ее 14-летнего министерского правления принесли стране богатейшие плоды. Третьяковская галерея получила картины из коллекции художника Савелия Сорина, вдова которого, Анна, стала близким другом Фурцевой, многочисленные дары Нади Леже, 75 литографий Марка Шагала, подаренных им Пушкинскому музею...

Связь с Хрущевым – забавный анекдот?

– Как вы относитесь к довольно устойчивым слухам о том, что Фурцеву и Хрущева связывало не только служебное положение? Мне говорила Светлана, что ее маму обидно называли «Никитские ворота»...

– В начале 50-х годов Екатерина Алексеевна часто виделась с Никитой Сергеевичем. Когда на XX съезде партии она вышла к трибуне своей легкой, летящей походкой и сделала доклад, ни разу не заглянув в разложенные перед ней листочки, то сорвала бурные аплодисменты, а Хрущев удовлетворенно сказал: «Молодец, это моя школа!»

После смерти Сталина Хрущева избирают первым секретарем ЦК партии, Фурцева становится первым секретарем Московского городского комитета партии.

Искренняя приязнь к ней Хрущева не могла остаться незамеченной. И вправду ходили слухи, что их связывало больше, чем симпатия. Но те, кто знал Екатерину Алексеевну достаточно близко, были абсолютно убеждены, что никакой любовной связи между ними не было. Главный режиссер Большого театра Борис Покровский как-то сказал: «Если бы такое было на самом деле, это выглядело бы, как забавный анекдот. Думаю, что ему было просто приятно на нее смотреть!»

А секретарь Московского горкома КПСС Николай Егорычев считал, что если сравнительно нестарому мужчине не нравится симпатичная женщина, то это не человек, ведь еще Маркс говорил: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо!» Он считал, что, возможно, Фурцева нравилась Никите Сергеевичу, но о каких-то «шурах-мурах» речь не шла.

И я уверена в том, что слухи об их романе были всего лишь слухами. Екатерина Алексеевна – красивая женщина, следила за собой, нравилась многим. Спортивная фигура, энергия, обаяние не могли не привлекать к ней людей. Юлия Хрущева, внучка Никиты Сергеевича, вспоминала, что действительно Екатерина Алексеевна ему нравилась простотой, активностью, жизнелюбием, контактностью, энергией. Она всегда была в центре обкомовско-горкомовской компании. Юля вспоминала, как однажды Фурцева за считанные минуты сколотила волейбольную команду, была заводилой, ведущей, прекрасно подавала и принимала мяч. Все ею любовались. Конечно, любовался ею и Хрущев. И для него простонародное происхождение Фурцевой имело принципиальное значение, нравилось, что она из ткачих. Он вообще считал, что дипломатами должны становиться директора заводов, председатели колхозов, что именно эти слои общества должны выдвигаться. Фурцева как никто вписывалась в этот образ.

Никита Сергеевич повсюду брал ее с собой не только потому, что ему хотелось видеть рядом красивую женщину, он просто очень доверял ей. Поэтому, возможно, и сделал ее председателем одной из комиссий по подготовке ставшего важным для нашей истории XX съезда партии.

– Вот ведь, Нами, как любопытно и экзотично: любовь и политика в одном флаконе...

– Понимаете, мы сегодня живем под знаком какой-то другой морали, извращенных принципов. К примеру, о Сталине столько понаписано, что читатель не может понять, где правда, а где ложь.

– Давно уже вышла книга воспоминаний любовницы Берии. Ходят слухи о приключениях с балеринами и самого «вождя народов».

– Высказываю свое мнение: вряд ли. Вот у Берии было много любовниц, это всем известно. Хотя, как мне кажется, и здесь перебор. У моего дяди, первого секретаря ЦК Грузии в помощницах работала женщина, которую считали его любовницей. Когда дома заговорили на эту тему, он отреагировал таким шутливым пассажем: «Ну, вы недооцениваете мой вкус, если бы я выбирал себе любовницу, то выбрал бы другую. А сплетникам только

язык почесать». Так и с Хрущевым... Я не могу поверить, что между ним и Фурцевой что-то было личное. Вряд ли Хрущев ее привлекал. Она вообще в отношениях с мужчинами соблюдала дистанцию.

– А были ли у Фурцевой какие-то контакты со Сталиным?

– В 1949 году Шверник познакомил ее со Сталиным. Но, насколько мне известно, дальнейших контактов со Сталиным у Фурцевой не было.

Хрущева спасли Фурцева и Жуков

Но в целом я считаю, что Хрущев не ошибся в Фурцевой. И как в политике, и как в человеке. Известно, что она сыграла очень важную роль в его судьбе. Я имею в виду знаменитое заседание Президиума ЦК, которое состоялось в июне 57-го года. Заседание было закрытое, на него не пускали ни секретарей, ни стенографисток. Семь человек из одиннадцати выступили тогда против Хрущева, которому ставилось в вину очень многое. Особенно уничтожение сталинской системы. Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин, Первухин – все выступали активно «против». В защиту Хрущева Брежнев, Сулов, Микоян, Пospelов, хотя и оговаривались, что, конечно, недостатки есть, но мы их исправим...

Молотов считал, что к июню 57-го года в Президиуме ЦК сложилась такая обстановка, при которой Хрущева больше нельзя было терпеть. При этом Молотов, Каганович, Маленков не составляли «антипартийной» группы. У них и программы-то никакой не существовало. Заговорщики горели единственным желанием – снять Хрущева с поста первого секретаря партии и назначить его министром сельского хозяйства. На пост же первого секретаря планировали назначить Молотова.

Фурцева, как кандидат в члены Президиума ЦК, присутствовала на том заседании. Когда дело приняло неожиданный оборот, она, как в полудетективном сюжете, время от времени стала покидать зал заседаний. А выходила она, потом оказалось, не просто в «женскую» комнату. Из своего кабинета, что был по соседству, Фурцева звонила председателю КГБ Серову и секретарю ЦК Игнатову, призывая их прийти на помощь Хрущеву. Игнатов сумел поднять двадцать членов ЦК, которые немедленно прибыли на заседание Президиума и потребовали созвать Пленум.

Молотов со товарищи оказались в трудном положении: сбившиеся в одну команду все члены ЦК, неожиданно появившиеся в Москве, дали им решительный отпор: «Вы не назначали Хрущева! Его на должность первого секретаря избирал ЦК. Члены ЦК съехались и хотят обсудить вопрос: надо снимать Хрущева или нет!»

Министр обороны Жуков оказался в числе сторонников Хрущева и очень твердо стоял на своих позициях: «Я их всех арестую!» А после добавил, что ни одна пушка не выстрелит без его команды. Голос маршала стал решающим: если бы не Жуков, то группировка Молотова, Кагановича, Маленкова и, как тогда говорили, «...примкнувшего к ним Шепилова» имели бы реальные шансы на победу. Хрущева однозначно тогда спасли Жуков и помогавшая ему Фурцева.

На пленуме Екатерина Алексеевна вела себя активно, бескомпромиссно. Клеймила противников очень страстно: «стремление взять реванш, повернуть историю», «пойманы с поличным», «это культ». Решался важнейший вопрос – возвращаться к прежним временам сталинизма или выбрать новый путь. Жуков поддерживал предложения Фурцевой «очиститься от тех, кто не в ногу»...

Историческая фраза Хрущева «Пленум постановил вывести из состава членов Президиума ЦК Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. Я прошу этих товарищей покинуть заседание» провозгласила окончательную победу Никиты Сергеевича, который разгромил своих врагов. Вместе с ним победу праздновала и Фурцева.

С этого момента начинается ее восхождение на вершину власти. Член Президиума ЦК, секретарь ЦК, она становится влиятельнейшим человеком в стране. Повсюду появляются ее портреты.

«Муж часто спорил с министром»

– Нами, расскажите, пожалуйста, о своем втором муже, заместителе министра культуры СССР, ведь именно от него вы, наверное, немало узнали о Екатерине Алексеевне?

– С Василием Феодосьевичем Кухарским я познакомилась в 1957 году, когда начала работать в Комитете по Ленинским премиям референтом по музыке. Характер имел сложный, разница в возрасте у нас была значительная, и сблизилась мы много позже, когда я с детьми осталась одна. Случилось это в 1969 году. Через какое-то время он переехал к нам, а поженились мы в 1977 году.

В Министерство культуры Кухарского пригласила Фурцева. Она подбирала кадры, учитывая их профессионализм и рабочие качества.

Василий Феодосьевич родился в Белой Церкви под Киевом. В юности обладал хорошим голосом, учился пению в Киеве. Перед войной поступил в Ленинградскую консерваторию. В 1941 году его, как и других студентов консерватории, взяли в ополчение, но повоевать он не успел. Немцы подходили к Ленинграду. Василий под шквальным огнем получил серьезное ранение, один из сокурсников дотащил его до санитаров. Кухарский попал в госпиталь, где ему ампутировали ногу. Всю блокаду он провел в ленинградском госпитале. Медсестры очень жалели худенького парнишку-инвалида. Как-то принесли ему жареную картошку – это был праздник, который он временами вспоминал.

В период учебы в Ленинградской консерватории Василий Кухарский часто бывал в доме известного дирижера, человека редкой образованности Ария Пазовского. С его дочерью Кухарский учился, позже она стала его женой. Эта семья вывезла его из блокадного Ленинграда в Пермь, куда эвакуировались многие музыканты, артисты, художники. Там Кухарский начал работать в Комитете по делам культуры и искусства. Общение с высоким профессионалом углубило его музыкальные знания. Народный артист СССР Пазовский, ученик композитора Лядова и скрипача Леопольда Ауэра, уже в восемнадцать лет стал дирижером, встречался с композитором Танеевым, Федором Шаляпиным.

В Перми Кухарский сблизился с эвакуированными ленинградскими деятелями культуры, в том числе с семьей художника Натана Альтмана, автора великолепного портрета Анны Ахматовой. Жена Альтмана Ирина была дочерью крупнейшего литературоведа-пушкиниста Щеголева, с ней жила и ее младшая сестра с детьми Мария Малаховская. В их доме постоянно собирались талантливые люди, привлеченные обаянием и красотой сестер, атмосферой дома, где велись интересные беседы, читали стихи, обсуждали новые постановки, музыкальные произведения. В Перми вслед за Ленинградом была исполнена Седьмая симфония Шостаковича, дирижировал Пазовский.

Кухарский переехал в Москву, куда его наставника пригласили главным дирижером Большого театра. Василий Феодосьевич стал студентом Московской консерватории и окончил ее, получив диплом музыковеда. Годы учебы, среда, в которой он жил, расширили его кругозор, дали возможность приобрести глубокие знания в музыке.

Кухарскому выпало счастье встречаться и работать со многими выдающимися музыкантами. В доме Пазовских он познакомился с дирижером Самосудом, академиком Зелинским, композитором и музыковедом Асафьевым, корифеями оперной сцены Пироговым, Рейзенем, Михайловым, Максаковой, Козловским, Лемешевым, Головановым.

Круг общения в Москве расширился, появились новые друзья. В разное время он дружил с художником Федором Константиновым, композитором Тихоном Хренниковым, украинским дирижером Тольбой, позже – при всем разном характере их творчества – с композиторами Арамом Хачатуряном, Георгием Свиридовым (переписка с которыми у меня сохранилась), Арно Бабаджаняном, Эдвардом Мирзояном, Лазарем Сарьяном, сокурсником

по консерватории, фронтовиком, сыном народного художника Мартироса Сарьяна. Как-то годы дружба связывала его с Родионом Щедриным и Майей Плисецкой, с Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым. Одно время Василий Феодосьевич регулярно общался с руководителями театра «Современник» – Олегом Ефремовым, Галиной Волчек.

С восхищением Кухарский относился к Галине Улановой, считая ее непревзойденной балериной.

До прихода в министерство Василий Феодосьевич работал ответственным секретарем в журнале «Советская музыка», в аппарате Союза композиторов СССР. В 1956 году, когда Комитет по Сталинским премиям преобразовали в Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства, его назначили ученым секретарем Комитета. В это же время он был музыкальным обозревателем газеты «Правда». Затем ему предложили перейти в Министерство культуры, объяснив, что это просьба Фурцевой.

Василий Феодосьевич заметно выделялся из ряда чиновников: музыка служила ему не только профессией, она стала частью его жизни.

Часто бывая в Польше, Василий Феодосьевич сблизился с композитором Пендерецким. Слушал его новую музыку, они подолгу беседовали в Кракове, где жил известный польский музыкант, и в Москве, когда тот приезжал к нам с концертами.

Описать весь круг общения невозможно, но особо хотелось бы отметить близость с Давидом Ойстрахом, Эмилем Гилельсом, Леонидом Коганом. Я помню рассказы мужа о поездках на дачу к Свиридову для знакомства с его новыми сочинениями, о том волнении, с которым он слушал произведения великого композитора, – вокальный цикл «Отчалившая Русь», романсы на стихи Аветика Исаакяна и Александра Блока.

Сблизился Кухарский и с Дмитрием Шостаковичем, когда они в одно время лечились в Кургане у доктора Илизарова, человека редкого таланта, дружба с которым продолжалась очень долго.

Кухарский был человеком образованным, мыслящим, думающим. Другое дело, что в нем «сидел», конечно, советский менталитет и его мысли искренне совпадали с решениями партии. Он был за Сталина, да, это так.

Екатерина Алексеевна Фурцева ценила Василия Феодосьевича, доверяла ему, поручала проведение ответственных мероприятий, например, фестиваля во Франции, зная его высокую порядочность и тактичность в общении с людьми. Они часто беседовали о делах, о жизни. Хочу отметить, что Кухарский был человеком вспыльчивым и достаточно часто не соглашался с министром. Обычно после такого разговора Фурцева утром сама приходила к нему в кабинет, и они «мирились», долго и мирно разговаривали. Фурцева беспокоилась о его здоровье: предлагала поехать в Англию или в Германию, заказать там протез. В Советском Союзе их делали не очень хорошо, он жаловался на постоянную боль, но от зарубежных поездок по этому поводу отказывался: это стоило довольно дорого, а делать протез за счет министерства Василий Феодосьевич не хотел. Так и мучился до конца.

Конечно, Фурцева была добрым человеком. Вернее, нет, она была умным человеком, а умный человек бывает добрым просто по необходимости. Но при этом она могла быть вздорной. Приведу пример. Однажды мы с мужем пошли в гости. Через некоторое время туда кто-то позвонил. (Я всегда оставляла детям телефон дома, куда иду.) Хозяйка сказала, что моего мужа спрашивает какая-то женщина. Я думаю: «Что же это такое? Какая-то женщина звонит моему мужу?! В гости!» Сама подошла к телефону. «Это Екатерина Алексеевна. Что же ты делаешь? Зачем таскаешь мужа по гостям?! Он человек больной, ему нельзя перенапрягаться!» Я с возмущением: «Екатерина Алексеевна, вы пользуетесь тем, что я не могу вам ответить. Он что, обещал быть на работе? Так он сейчас приедет». Фурцева приказным тоном: «Да, пусть сейчас же приезжает!» Мы срочно нашли машину, и муж примчался в министерство. Невозмутимая Екатерина Алексеевна спокойно ему говорит: «Я не понимаю,

почему Нами так разволновалась? Что случилось?» Оказалось, никаких рабочих вопросов у Фурцевой в тот вечер не было.

– А что стало с вашим мужем после смерти Фурцевой? Он остался на своей должности?

– Когда Екатерина Алексеевна умерла, он очень переживал. Через несколько дней из ЦК пришел приказ о назначении Кухарского исполняющим обязанности министра культуры СССР. В этой ипостаси он пребывал три месяца, а потом стал замом по музыкальным вопросам у Демичева, нового министра культуры СССР.

Умер Василий Феодосьевич в 1995 году.

– Эта мемуарная справка о вашем муже, человеке высокой культуры, образованности, проясняет возможности Фурцевой в выполнении своих министерских функций. Кухарский, по-видимому, был не просто ее замом, а настоящим помощником, правой рукой, который помогал Екатерине Алексеевне принимать верные решения. В отличие от своей начальницы он был «специалистом», как она сама любила говорить. Ведь ее сделали министром культуры в одночасье. Для нее это было все равно что не умеющего плавать человека столкнули с лодки в бурную реку. Но Фурцева не утонула, не сдалась. Хотя в «минуту роковую» пыталась уйти из жизни. Не видно ли в этой драматической истории вины Никиты Хрущева, который, в сущности, предал ее, отдававшую все свои силы государственному поприщу?

«Что вы хотите – климакс...»

– Вершины опасны тем, что падать с них больнее. Фурцева занимала должность секретаря ЦК КПСС. Сначала немилость Хрущева пала на Жукова. Ведь Хрущев видел силу маршала, а маршал – его слабость. Такое трудно забыть и невозможно простить. А потому «Жуков не оправдал оказанного доверия и оказался политическим деятелем, склонным к авантюризму». Так предали маршала, а вскоре он был снят с поста министра обороны.

Очевидное влияние получили люди, не желавшие видеть рядом с собой таких сильных политических соперников, как Фурцева и Жуков. Они понимали, что это люди поступка, что они могут высказать свое мнение. В результате, избавившись от тех, кто был ему предан, Хрущев остался с теми, кто в дальнейшем предал его.

Возможно, начиная демократические преобразования, Хрущев еще не был к ним готов. Когда же они стали активно развиваться, он испугался их масштабов и стал активно избавляться от тех, кто настаивал на дальнейшем проведении реформ.

Пришло время избавиться от Аристова, который вместе с Фурцевой боролся за Хрущева, когда его хотели сместить с поста первого секретаря ЦК. Потом взяли за Игнатов. Работая в соседних кабинетах, Фурцева и Игнатов часто встречались, обсуждали острые политические вопросы. Оказалось, что их разговоры прослушивали, а о результатах докладывали Хрущеву.

Потом пришло время расстаться и с Фурцевой. На XXII съезде партии ничего не предвещало начала конца: Фурцева – член Президиума ЦК, ей, как всегда, предоставляют слово. Но, продолжая поддерживать Хрущева и его политику, она не знала, что ее судьба уже решена: в новом списке Президиума ЦК ее не оказалось. Когда огласили список (уже без ее имени), она наверняка испытала шок. Шок не оттого, что было сделано, а как! Скрытое предательство поразило ее в самое сердце, она не могла сдержаться и покинула съезд. Вслед Хрущев только поморщился и бросил: «Дамские капризы! Что вы хотите – климакс!»

Последней каплей, возможно, стал следующий эпизод. Она сидела в своем кабинете вместе с деятелями кино. Во время заседания, молча, ни у кого ничего не спросив, в кабинет вошел человек в полувоенном френче, отключил внутренний телефон связи и «правительственную вертушку», взял два аппарата и вышел.

Фурцева в состоянии сильнейшего шока села в машину, приехала на дачу и разрежала вены. Ее вовремя обнаружили, доставили в больницу и чудом спасли. Я помню, тогда Анастас Иванович, повторяя слова Хрущева, сказал: «У Екатерины Алексеевны климакс, поэтому она так себя повела...»

– Попытка покончить с собой – признак тяжелого психического состояния. Может быть, ей вообще были свойственны экзальтированные поступки?

– Я считаю так: человек, привыкший к власти, не может без нее существовать. И вдруг его убирают с пьедестала. Не все могут такое перенести. Кухарского, например, никто никогда не снимал, он сам решил уйти из министерства, потому что уже не мог работать с Демичевым... Но вскоре у Василия Феодосиевича началась активная депрессия, он тяжело заболел. Георгий Свиридов мне как-то сказал: «Что Вася так мучается? Он же не кожу снял с себя, а только пиджак». Творческому человеку, музыканту, свободному от постоянных служебных обязанностей, во-первых, и от определенных властных полномочий, во-вторых, понять такое трудно. Но муж чувствовал себя так, будто с него и впрямь содрали кожу.

Ситуация с Фурцевой намного тяжелее... Она была потрясена больше не от того, что ее сняли с работы, а от того, что ее предали люди, которых она еще вчера считала своими соратниками, даже друзьями. Полагаю, что это не был вздорный поступок слабой женщины: Екатерина Алексеевна виделась сильным человеком и, как показывает вся ее жизнь, в пере-

ломные моменты умела быть решительной и жесткой, не пасовать перед трудностями. Она дорожила человеческими отношениями и не могла пережить предательство.

После трагического происшествия в подъезде на лестничной клетке постоянно дежурили двое в штатском. В привилегированном доме жили Налбандян, Лисициан, Андровская, Епишев, Плят, Аджубей. Вроде бы все были друг с другом в очень хороших отношениях, здоровались, справлялись о домочадцах, но... О здоровье Екатерины Алексеевны у ее близких никто не спрашивался, разве что Лисицианы. Больше того, завидев ее родных, жильцы сторонились, делали вид, что не знакомы. Муж Фурцевой объяснял своей дочери Маргарите, что такой демонстративный протест мог закончиться для Фурцевой арестом. Но закончился... «ссылкой» в Министерство культуры.

Схватка за гуманитариев

Министерство культуры располагалось на улице Куйбышева. Можно предположить, что поначалу Фурцева там чувствовала себя неуютно, только этого не показывала. Я представляю, как, придя впервые на работу, она обошла кабинеты, как звук ее высоких и тонких каблучков раздавался в разных концах здания. Представляясь своим новым сотрудникам, приветливо улыбалась.

С начала 60-х годов в стране собирались проводить реформу высшего образования. Фурцева была в курсе этой проблемы, так как раньше занималась ею в секретариате ЦК. Так называемых гуманитариев планировалось перевести на заочное обучение. Идею поддерживал и президент Академии наук Несмеянов. С его подачи Хрущев отдал распоряжение о переводе Института истории искусств Академии наук в ведение Министерства культуры с названием «Институт искусствознания». Учреждение возглавлял Игорь Грабарь, в руководстве состояли видные ученые – Виктор Лазарев, Михаил Алпатов, Дмитрий Сарабьянов...

Так вот в первый же день работы Фурцевой в должности министра культуры должна была состояться коллегия на тему заочного образования гуманитариев. Мне об этом рассказывала Лидия Григорьевна Ильина, тогда заместитель начальника Управления учебных заведений. Она первой выступала на коллегии. Тема заочного обучения в творческих вузах волновала многих – Московскую консерваторию, художественный институт имени Сурикова, театральные ВУЗы. Над выступлением Ильиной работали долго и серьезно. Лидия Григорьевна начала читать доклад, но вдруг Фурцева неожиданно ее остановила: «Проблема требует серьезной доработки. Заседание окончено». Сотрудники министерства в недоумении: что произошло? То ли новый министр снимет с работы Ильину, то ли предстоят иные перемены? Никто не понимал, в чем дело. Екатерину Алексеевну в министерстве знали мало, она пришла из ЦК с тремя своими помощниками.

На другой день Фурцева вызвала Ильину и сказала, что, прослушав ее доклад и посоветовавшись с некоторыми деятелями искусств, пришла к выводу: в творческом образовании заочного метода быть не может. «Подумайте, как это сделать, чтобы на имя Косыгина пришло письмо не от министерства, а от кого-либо из уважаемых музыкальных педагогов». Остановились на кандидатуре Елены Фабиановны Гнесиной. Директор лучшего музыкального училища из династии музыкантов пользовалась всеобщим уважением. Косыгин, как было известно в среде музыкальных чиновников, знал ее лично.

Ильина отправилась на переговоры к Елене Фабиановне. Та, выслушав, согласилась направить письмо Косыгину от своего имени, изложив собственную точку зрения. Ответ пришел с резолюцией Косыгина: «Сохранить существующую систему образования в творческих вузах».

Полагаю, Фурцева, придя на то совещание, уже была знакома с мнением по этому вопросу известных театральных деятелей, режиссеров Алексея Попова, Марии Кнебель, Юрия Завадского и других, которые прислали ей следующее письмо:

«Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна!

Мы, режиссеры, отдавшие театру и делу воспитания молодой смены по 30–40 лет творческого труда, чрезвычайно встревожены появившимися в последнее время проектами постановлений Министерства культуры по вопросам воспитания советской режиссуры, методики преподавания, сроков воспитания, которые в основе своей, по нашему мнению, пытаются свести на нет завоевания русской советской школы искусства режиссуры... Завоевания советского театра признаны всем миром. Обоснованы они рядом достижений крупнейших режиссеров: Ленского, Станиславского, Немировича-Данченко, Марджанова, Кур-

басова, Вахтангова, Синельникова и плеядой их учеников, в свою очередь воспитавших сотни советских режиссеров, возглавляющих крупнейшие театры Союза.

...Все это стало возможным благодаря тому, что гении советского театра Станиславский и Немирович-Данченко были не только режиссерами, но и создателями науки об искусстве режиссера и актера. Этим гордится СССР, и это поражает приезжающих к нам зарубежных деятелей театра. Всевозможными проектами, исходящими от чиновников министерства, ставится под удар воспитание режиссеров.

...Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна! Завтра появятся десятки и сотни театров, работающих вообще без режиссера. Чиновник передал власть в руки администратора-директора. Невежде-чиновнику легче командовать администратором, нежели находить способы выращивания и укрепления авторитета режиссера.

Если Вы, глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна, пожелаете, вызовите нас, подписавших это письмо, к себе, и мы в течение часа с документами в руках убедим Вас, что поход против высшего режиссерского образования – есть дело преступное по своему невежеству».

Надо отдать должное Фурцевой: делая свои первые шаги в роли министра культуры, она столкнулась с серьезной проблемой и приняла верное решение. Просьба крупнейших театральных деятелей была не только услышана, но и удовлетворена. Благодаря Фурцевой сохранилось качество высшего режиссерского образования, которое всегда отличало отечественный театр.

Этот ее шаг продемонстрировал интеллигенции, что теперь за культуру отвечает не равнодушный чиновник-бюрократ, а человек живой, деятельный, заинтересованный.

Впрочем, интеллигенция не спешила раскрывать Екатерине Алексеевне свои объятия: часть ее, не забыв участия Фурцевой в борьбе с Пастернаком и «вейсманистами», встретила назначение настороженно. Другие же – Константин Симонов, Виктор Розов, Олег Ефремов, Афанасий Салынский – связывали с ее именем надежды на прекращение смуты в министерстве.

«За одного битого сколько небитых дают?»

Весьма любопытно свидетельство театрального критика Бориса Поюровского, касающееся характера, натуры Фурцевой, только что назначенной министром культуры. Поюровский написал статью для газеты «Советская культура» о состоянии театральной жизни в городе Харькове. Мнение его было довольно унылым: всюду пустые кресла, ощущение безнадежности. Статья имела громовой резонанс. В редакции газет, ВТО, Союз журналистов СССР, Министерство культуры стали поступать коллективные письма. Автора обвиняли во всех смертных грехах – пьянстве, сожительстве с артистками балета и тому подобное... Иные подписи были неразборчивыми, но это как бы мелочь. В Харьков выехало несколько комиссий, одна авторитетнее другой. Пришли к выводу, что положение с театрами на Украине и в самом деле скверное.

Поюровский думал, что все обойдется, но вдруг ему звонят от главного редактора «Советской культуры» и сообщают, что надо прибыть к трем часам на совещание к министру.

Когда приглашенные вошли в кабинет, Екатерина Алексеевна заканчивала подписывать какие-то бумаги. Затем встала из-за стола, подошла к приглашенным и каждому протянула руку.

– Прошу садиться. В чем суть вопроса? – обратилась Фурцева к своему помощнику.

– Имеется жалоба по поводу необъективной позиции критика Поюровского, который систематически, тенденциозно, в неуважительном тоне пишет об известных мастерах украинской сцены. И есть поручение Никиты Сергеевича – разобраться и наказать.

Положение театрального критика казалось аховым, если дело дошло до самого Хрущева.

– Ну что же, разберемся и накажем, – строго заявила Фурцева. – Кто будет говорить первым?

И тут произошло неожиданное – потенциальные оппоненты не только не опровергли содержание статьи, но нарисовали куда более ужасающую картину: дескать, к исходу сезона театральные залы вконец опустели.

– И все-таки я хотела бы услышать: есть ли в статье какие-то неточности, передержки, искажения фактов? – спросила Фурцева.

– Есть, – сказал один оппонент. – В статье написано, что на спектакле «Всеми забытый» зрители едва заполнили четверть партера, а по кассовой рапортичке значится, что в тот день было продано всего 12 билетов.

– Выходит, Поюровский еще и приукрасил действительность? – не без издевки спросила Фурцева. – Но, может быть, все остальные, как и он, попали в театр по контрамарке?

– Автор статьи критикует известного актера Леся Сердюка за исполнение роли Владимира Ильича Ленина. А местная газета отзывается об этой работе исключительно похвально, – вставил кто-то.

– Ну и что же? У каждого может быть свое мнение, – ответила Екатерина Алексеевна.

...Поюровскому было не по себе. Атака велась массивная, под разными углами. И что значит категорическое требование Хрущева – наказать? «Виновник» понял смысл поручения сверху – негодяя казнить! Чтобы другим было неповадно. Выслушав прения сторон, Екатерина Алексеевна небрежным жестом поправила прическу и, глядя куда-то в сторону, переспросила помощника:

– Как там сказано – разобраться и наказать? Тогда подготовьте, пожалуйста, письма в соответствующие организации с просьбой незамедлительно принять экстренные меры к виновным в создавшейся ситуации с театрами на Украине.

Поюровский не верил своим ушам, сидящий рядом его коллега сиял от радости.

– Виновник здесь? – словно опомнившись, громко спросила Фурцева.
Поюровский, как провинившийся школьник, поднялся с места.

– Сидите, сидите, – улыбаясь, сказала Екатерина Алексеевна. – Представляю, сколько вы натерпелись. Ну, ничего-ничего, за одного битого сколько небитых дают? Желаю всем успеха.

Фурцева встала из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

«На лесоповал их всех...»

– Вы знаете, Нами, ситуация с чиновниками-бюрократами хрущевских времен напоминает положение с чиновниками эпохи Путина – Медведева. Даже бывший посол нашей страны во Франции, ныне министр культуры Авдеев, вроде бы человек при своем деле, но и он далеко не всех устраивает. Безусловно, равнодушных и непрофессиональных руководителей, хозяев высоких кабинетов, а нынче еще и машин с мигалками должно быть как можно меньше. Но как это сделать? Не так давно ушел из жизни Андрей Вознесенский. В огромном количестве статей-некрологов вспоминали тот разгон, который устроил молодому поэту Никита Хрущев на встрече с интеллигенцией в Кремле в марте 63-го года. До этого в декабре 62-го случилось «кровоизлияние в МОСХ», как говорили остряки того времени, то есть скандал, устроенный Хрущевым в Манеже на выставке, посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников.

Свидетельствует искусствовед Нина Молева:

«...Ночь на 1 декабря 1962 года. Залито светом здание Манежа. Распахнуты двери главного входа. Огромный, гудящий толпой улей. Никаких пропусков. Никаких вопросов. Одна из уборщиц: «Новые картины? На втором этаже»...

Несколько очень пологих маршей. Вместительный предбанник перед большим центральным залом. По сторонам двери в подсобки. Студийцы в зале. В подсобке побольше расставляет скульптуры Э. Неизвестный, в маленькой – три его приятеля. Разбросанные прямо на полу – экспозиционный прием – и приставленные к стенам абстрактные графические композиции...

На поставленных посередине зала стульях для будущих зрителей член ЦК Д.А.Поликарпов. Чуть растерянный. Будто оглушенный. На лестнице встреча с Е.А.Фурцевой, несмотря на ночной час, министр решила сама посмотреть новые залы. Шумная свита. Игриво-возбужденный голос. Шутка о полуночниках. О горе и Магомете: «Почему сами никогда ко мне не приходили?» Смех...

...Третий час ночи. Во дворе Белютину, организатору и куратору выставки, пришлось пропустить черную «Волгу»: куда-то спешно уезжал помощник Хрущева по вопросам культуры, маленький незаметный человечек в очках.

...10 часов утра 2 декабря. За несколько минут последний обход помещений начальником личной охраны. Вместе с перезвоном курантов кортеж машин. Хрущев. Серое лицо. Равнодушный взгляд. В дверях, нехотя: «Ну, где у вас тут праведники, где грешники – показывайте». Протоколно выверенный маршрут – вдоль левой стены. На расстоянии почтительное окружение: Кириленко, Косыгин, Полянский, Андропов, Демичев, Ильичев, Шелепин. Кроме них – первый секретарь МКК Егорычев, комсомольский вождь Павлов, министр культуры Фурцева, главные редакторы центральных газет. На первых ролях – Суслов и Серов. Здесь же секретари Союза художников. Первая задержка у картин, первое объяснение, и голос одного Серова вперебивку с почти неслышным шепотком Суслова...

Заранее составленный список имен, заранее намеченные картины – опытный «экскурсовод» вел на зубок выученную экскурсию. Хрущев сразу же взрывается, не выбирая выражений для проявления своих эмоций:

...«Какашки в горшке моего внука» – о «Натюрморте с картошкой» Фалька. «Говно», «дерьмо» – о картинах, отступавших от фотографического принципа. «Педерасты несчастные» – о художниках, нарушивших догмы соцреализма. Брань то затихала, то вспыхивала с новой силой. Экскурсия по первому этажу затягивалась. Прошло больше трех часов с начала осмотра... Премьер направляется к лестнице. Теперь Серов растворяется среди свиты, бразды правления перешли в руки одного Суслова...

В воздухе застыло напряжение. Чему-то предстояло произойти... И произошло... Чужаки, инаковидящие, инакочувствующие и инакомыслящие. Шелепин с Павловым: «На лесоповал их всех...». И заключение премьера: «Я как Председатель Совета Министров заявляю: советскому народу не нужно такое искусство! Да, я ликвидировал культ, но в области культуры полностью разделяю позицию Сталина. Так что имеется в виду – его аппарат цел и находится наготове». Премьер направился к выходу».

– Думаю, Фурцевой было нелегко сохранять равновесие: поддерживать дружеские отношения с творческой интеллигенцией и оставаться верной той самой Системе, о которой мы с вами говорим.

Мне видится, что наша героиня в декабре 62-го года на выставке молодых московских художников получила настоящее боевое крещение. Недаром искусствоведы, культурологи считают тот разгром в Манеже началом нового этапа активного вмешательства партийного руководства в культурные процессы. С одной стороны, еще шла «оттепель», казалось, что художникам позволено больше, чем раньше, но нет, та декабрьская ночь 62-го года разрушила иллюзии тех, кто поверил в перемены.

– Да, в воспоминаниях и газетных отчетах сохранились подробности произошедшего в Манеже. Даже сегодня, когда читаешь их, становится стыдно за наших властьпредержащих.

Я согласна с тем, что Екатерине Алексеевне «руководилось» нелегко: с одной стороны, она должна была соответствовать должности советского министра периода «развитого социализма», с усердием выполнять все задания партии в тот период, когда партия взяла направление на «зажим» интеллигенции, и особенно творческой, с другой – будучи неравнодушным человеком, она старалась понять представителей разных течений в искусстве, в том числе в искусстве начала XX века, современной живописи, вызывавшей возмущение, раздражение многих.

Сама она, конечно, предпочитала реализм – авангардные формы ее просто пугали. Так, в 1966 году Екатерина Алексеевна пыталась запретить в ЦДРИ выставку художника Александра Тышлера. Его картины с известной долей гротеска и сюрреализма (например, на картине «Фашизм» он изобразил фантастического льва, оцетинившегося множеством клинков) были далеки от традиций соцреализма. Но художник Йогансон сказал ей: «Вы напрасно так шумите, напрасно, потому что Тышлер – очень хороший художник, он совсем не формалист!» Фурцева поверила авторитету народного художника СССР и успокоилась. Выставка состоялась.

Зато когда она узнала, что знаменитая «Джоконда» покидает Лувр и отправляется на выставку в Японию, сделала все, чтобы ее смогли увидеть в Москве. Необходимо было позаботиться о безопасности картины, для этого требовались особая рама и пуленепробиваемое стекло. Фурцева дружила с космонавтами, а потому обратилась к ним за помощью. За семь дней и ночей изготовили специальное пуленепробиваемое стекло и раму. Так «Джоконда» оказалась в Москве, что стало грандиозным культурным событием.

Екатерина Алексеевна была достаточно умной женщиной, чтобы впитывать интересные идеи и предложения. А потом со страстью, горячо их «пробивала». Например, как-то однажды Ойстрах обмолвился о международных музыкальных конкурсах, которые проводятся в некоторых западных странах: «Как жаль, что у нас таких нет». И вскоре подобные конкурсы стали в Советском Союзе традицией. Именно в годы «правления» Екатерины Алексеевны стали проводиться Международный конкурс имени Чайковского (Ван Клиберна до сих пор с благодарностью вспоминает Екатерину Алексеевну, которая вместе с Эмилем Гилельсом отстояла его победу) и Международный конкурс артистов балета, жюри которого возглавляла такая мировая величина, как Алисия Алонсо.

– Эти факты подтверждают самобытность Фурцевой, ее талант воспринимать жизнь в самых разных ее проявлениях.

– Верно. Не случайно с ней подружились яркие личности Надя Леже и Анна Сорина. Ведь если бы она была серой женщиной среднего ума, то вряд ли к ней потянулись бы европейски образованные дамы. Анна Сорина, к примеру, состояла какое-то время министром культуры при дворе князя Монако.

Марк Шагал мог стать народным художником СССР?

– Не помню точно, в каком году это было, но думаю, что в начале 70-х, я приехал на электричке в Переделкино, чтобы взять интервью у писательницы Галины Серебряковой. После интересной беседы пошел прогуляться по писательскому поселку. Со мной был фото-корреспондент. И вот когда мы проходили мимо высокого крепкого забора, мой коллега вдруг спрашивает: «А ты знаешь, что за этим забором живет французская художница Надя Леже?»

Не скажу, что к тому времени я был уж очень подкован в современном западном искусстве, но о Леже я знал. Услышав такое, удивился. Как это так? «Тлетворный Запад» в оазисе советской культуры? Чудо! Загадка! Разве мог я подумать тогда, что здесь живет вдова известного французского художника Фернана Леже, которая к тому же ближайшая подруга нашего министра культуры? Сегодня я знаю об этом, как знаю, что вы, Нами, тоже дружили с Надей.

Итак – Фурцева, Надя Леже и вы. Рассказывайте!

– Знакомство, а потом и дружба с Надей Леже, русской по происхождению художницей, оказавшейся в Париже и близко знавшей почти всю элиту французского искусства, помогли Фурцевой в установлении культурных связей между СССР и Францией. Советский министр познакомилась с Луи Арагоном, Пабло Пикассо, Морисом Торезом...

Надя представила Екатерине Алексеевне своего земляка из Витебска Марка Шагала, с которым у Фурцевой сложились теплые отношения. Екатерина Алексеевна искренне сокрушалась, что известный художник живет не на родине: «Как жалко, что вы там, а не здесь, иначе вы бы уже давно были народным художником СССР». Но все звания и титулы не заменили бы Шагалу встречи с его родным Витебском. Этот город значил для него очень много. Во время пребывания в Советском Союзе художник не смог поехать в Витебск, а, может, не захотел: ведь в прошлое, как считается, вернуться невозможно. Роберт Рождественский, вспоминая встречу с Шагалом, удивлялся тому, что художник то и дело разочарованно его спрашивал: «Так вы не из Витебска?»

– Мой приятель, художник Илья Клейнер, рассказывал мне, что еще в конце 60-х годов они с директором картинной галереи новосибирского Академгородка проводили художественные выставки Филонова, Фалька, Гриневича... Москва на подобные подвиги не решалась. Энтузиасты дважды обращались с письмами к Фурцевой с предложением организовать в столице вернисаж Марка Шагала. Будто бы Фурцева была «за», но ее в ЦК не понимали...

– Я не уверена, что искусство Шагала, человека, «движущегося вперед с лицом, обращенным назад», было близко Фурцевой, но она умела и хотела учиться, а еще доверяла людям, которых любила. Доказательством этому служит сам факт приезда в СССР всемирно известного мастера и представление его полотен в Третьяковской галерее.

Естественно Фурцева пропагандировала в СССР и творения Нади Леже, организовывала заказы на ее работы – витражи, мозаику.

Да, я горда тем, что так же, как Екатерина Алексеевна, дружила с Надей. Когда я узнала, что Фурцева хлопочет о какой-то квартире в Москве, я спросила у Нади, зачем она ей нужна. Она мне ответила: «Там, во Франции, волки, и с ними выжить может только такая, как я. А мои дочь и внучка слабые, я хочу, чтобы они жили здесь, где не надо бороться».

Однажды я встретила Надю на международной выставке в Каннах. Она приехала ко мне в гостиницу, мы сидели на террасе, пили кофе. Надя в голубой норковой шубе: прекрасный мех, но, на мой взгляд, плохо сшитый в московском ателье. Я спросила, почему она посещает московских портных, разве они лучше французских? «Екатерина Алексеевна рекомендовала меня хорошим недорогим мастерам, – ответила Надя. – Зато когда я появля-

юсь в банке или в престижных домах каждый раз в новой шубе, моя «цена» растет. На Западе очень важно показать, что дела у человека идут хорошо».

А во время другой моей поездки во Францию в составе официальной делегации она хотела преподнести мне сюрприз. «У меня для тебя подарок. В одном из магазинов одежды, где меня хорошо знают, я заказала для тебя несколько платьев. Нужно только подъехать в магазин и примерить», – сказала она мне по телефону. Этот подарок был по-настоящему царским. Сейчас трудно представить, что значили в советские времена настоящие парижские туалеты. Но что делать? Я пребывала во Франции в составе официальной группы и оторваться от своих, куда-то исчезнуть не могла. В чужой стране нам разрешалось ходить только всем вместе или, в крайнем случае, парами. Я не могла поехать одна в магазин за одеждой, на это отреагировали бы отрицательно. Так что мои платья остались висеть на вешалке модного парижского магазина. Правда, Надя все же устроила советской делегации маленький праздник: заказала лимузин и отвезла нас на экскурсию в музей Фернана Леже.

Я как-то задумалась, почему Екатерина Алексеевна подружилась с Надей Леже? А почему я с ней подружилась? Думаю, потому, что, несмотря на известность мужа и собственный успех, она так и осталась простой и душевной русской женщиной из Витебска, готовой выслушать, посочувствовать и по возможности помочь.

В те нелегкие моменты, когда жизнь с Фирюбиным дала трещину, именно подруге из Франции Фурцева рассказывала о своих семейных и личных проблемах. Уже после смерти Екатерины Алексеевны художница сделала ее прекрасный мозаичный портрет для надгробия, но Светлане он почему-то не понравился. Надя была очень расстроена. Сейчас этот портрет находится в библиотеке имени Фурцевой.

В архиве Фурцевой много писем незаурядных людей, сумевших понять ее благородство, ум, преданность советской культуре. В них виден и характер пишущих, их духовный мир, и уважительное к ней отношение. Внучка Екатерины Алексеевны Марина показывала мне эти письма, а некоторые разрешила использовать в книге.

«6/XII 1970 г. Париж

Дорогая, многоуважаемая, родная Екатерина Алексеевна!

Поздравляю Вас с большим праздником Октябрьской революции, желаю Вам, главное, здоровья и силы, чтобы Вы еще много лет вели Вашу грандиозную продуктивную работу в мире культуры и искусства, на славу нашей Советской родины и на славу партии коммунистической. Искусство СССР завоевывает первое место в мире. Ваша работа, Ваше понимание работников искусства исключительное, Вы даете силу и желание победить все препятствия. Наша работа очень сложная, мы сами себя часто не понимаем, а Вы должны всех нас понять и ободрить, и Вы умеете это делать. Творчество каждого работника искусства должно быть индивидуальное и одновременно коллективное. Культура и искусство должны помогать нам жить и строить новый мир, и мне хочется Вам в этом помочь. Поэтому в честь 100-летия Ленина я приношу в дар Министерству культуры СССР следующие портреты моей работы, выполненные в технике равеновской мозаики: 20 разных портретов В.И. Ленина, 4 портрета Крупской, 3 портрета – Торез, 1 – Маяковский, 1 – Л.Толстой, 1 – Зоя Космодемьянская, 1 – Чайковский, 1 – Гагарин, 1 – Комаров, 1 – Репин, 1 – Пикассо, 1 – Леже, 1 – Шагал, 1 – Малевич, 1 – Майя Плисецкая..

В трудные моменты надо подбадривать друг друга... Мы должны бороться против всех столетий в живописи и одновременно изучать все художественные открытия прошлых эпох. Мы должны все изучить в области искусства, чтобы найти наш собственный, свойственный нам художественный язык, мы должны найти нашу новую школу, собственный почерк новой замечательной эпохи. Это самая главная задача современного художника-коммуниста. Дело ведь не в теме, тем у нас сколько угодно, но вот как выполнить эти наши замечательные темы? Этот вопрос должен быть самый главный у художника-коммуниста. Процесс

творчества очень сложный, не все понимают художника, но тот, кто хочет действительно понять, тот может. Мы, художники, люди обыкновенные, такие, как все другие, и можно нас понять, как можно понять всякого рода искусство и науку. Любить – одно дело, а понимать другое. Процесс «искания» в искусстве свойственен каждому художнику, а чтобы увидеть результаты его «исканий» в нашу «переходную» эпоху, и художнику надо иметь много терпения, и обществу. Дать новому коммунистическому обществу новую культуру не так-то легко и просто, по «заказу» создать невозможно и нельзя требовать, чтобы вот «сегодня» были написаны картины на темы социалистического общества, я думаю, это не так-то просто. Для сотворения культуры буржуазного общества потребовались столетия, а ведь нет еще коммунистического общества, я думаю, что тело ему нельзя запрячь впереди лошади. Но я верю, что родится живопись новой коммунистической эры. Шествие коммунизма неодолимо и шествие социалистического реализма тоже неодолимо, но для этого требуется много времени, много терпения. Нам, художникам, надо верить... Дорогая Екатерина Алексеевна, надеюсь, что Вы мне верите, как я Вам верю и понимаю все Ваши затруднения.

Надя Леже».

– Сегодня это письмо своим идеологическим наполнением, коммунистическим пафосом кажется странным. Рассуждения о коммунистическом искусстве во многом устарели, молодым поколениям воспринимать их трудно. Но, с другой стороны, всегда важно во что-то верить, что-то ценить, чем-то восторгаться. И тут я понимаю ярую коммунистку Надю Леже.

Анна Сорина, вдова талантливого русского художника Савелия Сорина, умершего в Париже (с ней Фурцеву познакомила Надя Леже), писала:

«Дорогая Екатерина Алексеевна!

Простите, что я Вам все пишу письма, я никогда не бываю с Вами наедине, а мне так хочется Вам сказать, что я Вас полюбила. Но не за то, что Вы занимаете высокое положение. Я ведь одна на свете, хотя у меня и есть сестра, но у нее другие интересы и своя семья, а Вы стали близки моей душе. Мне от Вас ничего не нужно. Все, что хотел мой муж, и все, что я хотела сделать, благодаря Вам уже почти выполнено. Если сбудется выставка и будет успех, Вы не пожалеете о том, что приняли наш дар родине. Это все, о чем я думаю и мечтаю. Все остальное, как бы мне ни было трудно, я перенесу. А дальше мне все равно.

Только об одном я Вас прошу, знайте, что я Вам дала свое сердце, что я безудержно честная и верная, и что Вы всегда можете на меня рассчитывать. Я счастлива, что встретила Вас, хотя и в конце моей жизни.

Спасибо Вам за Ваше дружеское отношение ко мне.

Целую Вас.

Аня».

Фурцева тепло отнеслась к Анне Степановне Сориной и к творчеству ее мужа. Благодаря Екатерине Алексеевне в Москве была организована выставка признанного на Западе, но не очень известного у нас художника, а также выполнена его последняя воля – работы русского живописца переданы на родину.

Как «такое» пропустила цензура?

Из воспоминаний Ирины Скобцевой:

«Впервые я встретила с Фурцевой накануне 1961 года. Никита Сергеевич Хрущев устраивал в Кремле встречу Нового года, куда была приглашена интеллигенция, представители руководства союзных республик, столичная элита. Мы появились вместе с Сергеем Бондарчуком, который начинал в то время работу над «Войной и миром».

Екатерина Алексеевна стояла в центре зала, подошла, поздоровалась и начала знакомить с присутствующими. Меня удивило то, что, представляя гостей, она прекрасно помнила не только имена и отчества окружающих, но и кто чем занимается, хотя гостей было не меньше 50 человек. И это была не просто холодная чиновничья память, чувствовалось подлинно доброжелательное отношение к людям...

Для Сергея Федоровича это было особое время: фильм «Судьба человека» получил главный приз Московского международного кинофестиваля в 1959 году и Ленинскую премию в 1960 году. Фильм шел по всему миру с ошеломляющим успехом, например, в Париже нас выводили через черный ход, чтобы мы могли тихо уехать в свою гостиницу.

К работе над «Войной и миром» Сергей Федорович приступил в августе 1962 года. История появления киноэпопеи не проста, и в первую очередь следует отдать должное... военным. В то время состоялась мировая премьера «Войны и мира» американского режиссера Кинга Уоллеса Видора, где блеснули прекрасная Одри Хепберн, Генри Форда, Витторио Гасман. Фильм поражал своим размахом.

Военные посмотрели фильм и заявили: «Американцы сняли нашу классику – 1812 год, причем достаточно уважительно это сделали. А почему бы и нам не сделать то же самое? Если что-то надо, мы всегда поможем». Они написали письмо в Министерство культуры с просьбой рассмотреть заявку. И тут же режиссером предложили Сергея Федоровича. Это было для него, как гром среди ясного неба.

Фурцева вызвала его к себе.

В чем заключалась мудрость этой женщины? Объявив о съемках «Войны и мира», она открыла двери режиссерам, которые сами уже думали об экранизации. Среди них – Ромм и Пырьев. Министр заявила, что у них равные возможности. Пырьев проявил недовольство возможной конкуренцией, и Бондарчуку в коридоре «Мосфильма» пришлось выслушать от него немало нелестных слов.

Работа началась. Около Донского монастыря Бондарчук снял пробный эпизод расстрела французами поджигателей Москвы. Снимал сам – от начала до конца. Именно в этой сцене Пьер бросает мальчишке, вцепившемуся в него: «Не трогай меня! Я предназначен для великого! Я должен спастись!» Эти слова говорит главный герой! Как Бондарчук не побоялся снять такое! Как цензура могла пропустить такое в те непростые 60-е годы. Уму непостижимо...

Сергей Федорович показал эпизод Фурцевой, и на коллегии министерства она его утвердила...

Работе над фильмом Фурцева помогала всерьез, всем, чем могла: запросто звонила министру обороны Гречко и просила его о чем-то, связывалась, например, с городским начальством Дорогобужа и уговаривала: «Ну, вы уж снимите в поле электрические столбы, чтобы картине не мешали...»

Бывало, что горячо спорили. Екатерина Алексеевна искренне верила в скорое пришествие коммунизма и потому считала, что будущее за самостоятельностью масс. Бондарчук старался деликатно донести до министра простую мысль, что искусство – это профессия. И актерство – тоже профессия.

...Хочу заметить, что творческие, талантливые люди много значат в нашей жизни. Но в те времена творческие успехи во многом зависели от высоких чиновников от культуры, от Фурцевой в очень большой степени. И она выполняла свои функции с искренним желанием помочь отечественной культуре в целом и талантливым людям в отдельности. Таких неравнодушных людей, как она, там наверху было мало».

Этот «рыжий» бесчинствует вокруг культуры

Из дневника Василия Кухарского:

«Нужно отдать должное Брежневу: когда его еще не одолели «застойные явления» внутри самого себя, Екатерина Алексеевна могла, как правило, опереться на его поддержку. Как-то я зашел к ней и сообщил, что Большому театру урезали дотацию на два миллиона рублей. Я не успел еще подробно об этом доложить, как она стала набирать номер правительственного телефона: «Здравствуйте, дорогой Леонид Ильич! Анекдоты происходят. Как только госбюджет дает трещину, этот рыжий (имелся в виду министр финансов В.Ф.Гарбузов. – Н.М.) начинает бесчинствовать вокруг культуры. Дотация и так мизерная, а он взял и снял два миллиона Большому театру. А чем это грозит, ты и сам знаешь».

На том конце провода продолжительное кряхтение, а затем ответ: «Ты же в курсе порядка, Екатерина Алексеевна. Почему сразу ко мне, обратись сначала...» Фурцева прерывает: «Без тебя ничего не выйдет». И началась канитель.

Через полчаса звонит «рыжий»: «Опять жаловалась главному?» – «Ты меня знаешь, Василий Федорович, жаловалась и буду жаловаться!» – «Знать-то я знаю. Позвонила бы прямо мне, договорились бы. Главному можешь не писать, разговаривал со мной лично. Вопрос решен». Таких пыток словом, где проявлялась смелость на грани риска, Брежнев от Фурцевой претерпел немало.

Постоянное внимание Фурцева уделяла общению с интеллигенцией. Имела редкое качество распознавать выдающийся талант, причем чужим мнениям не доверяла, убеждалась только сама, увидев или услышав. А уж потом оказывала помощь, никогда не носившую характер благодеяния.

Внимательно следила за творчеством музыкальной молодежи, постоянно расспрашивала меня о судьбах Натальи Гутман, Виктора Третьякова, Бориса Гутникова, Элисо Вирсаладзе и других выдающихся музыкантов. Просила устранять любые помехи на их пути.

Действовала подчеркнуто, как министр культуры всего Советского Союза. Это ощутили на себе, например, Георг Отс, талантливый оперный и концертный певец, композитор Отар Тактакишвили, перед которым открылось широкое всесоюзное поприще. Всего не перечислишь.

Ценила в выдающихся мастерах интеллигентность, мягкость, скромность. Потому так трогательно и доверительно относилась к Ойстраху, бывала на многих его концертах. После одного из них посетовала: «Не бережете себя, Давид Федорович, – огромное количество концертов даете, да еще и дирижированием увлеклись. Приказываю, как министр и друг, – заключила с улыбкой, – считать себя всенародным достоянием и сделать надлежащие выводы».

Вскоре после назначения министром культуры Екатерина Алексеевна приняла горячее участие в судьбе Рихтера. Гениальный пианист, редкой чистоты и честности человек, Святослав Теофилович глубоко переживал двойственность своего положения. Ранняя слава музыканта мировой величины, самые высокие звания и награды – и несогласие инстанций на гастролирование в странах Запада по причине сложности биографии родителей. Его мать, немка, во время войны ушла с отступающими из Одессы немцами и жила в Западном Берлине. Постепенно такое положение приобрело трагический оборот. Рихтер испытывал нервные стрессы, порой переходящие в острую депрессию, избегал встреч с коллегами, боясь услышать недоуменные вопросы и сочувствие.

Фурцева употребила всю свою энергию, чтобы сломать тягостную ситуацию. Подолгу говорила с женой Рихтера Ниной Дорлиак, просила внушить ему, что все образуется.

Но внушала министр не только чете Рихтеров, бомбардировала письмами ЦК партии, компетентные органы, в личных встречах с руководством уговаривала, требовала, доказывала, какой урон во мнении мировой общественности несем мы бездушным отношением к великому музыканту.

В конце 1963 года «блокада» была прорвана. Рихтер выехал на длительные гастроли по Западной Европе и США. Его ждали переполненные залы, невиданный триумф. Фурцева способствовала встрече в Америке Святослава Теофиловича с матерью.

Святослав Рихтер писал:

«4. X1.72.

Дорогая Екатерина Алексеевна! Сердечно поздравляю Вас с Праздником. От всего сердца желаю Вам здоровья, большого счастья, свершения Ваших интересных планов.

Был очень тронут Вашим звонком в Варшаву.

Нина просит Вам передать свои искренние, сердечные пожелания к Празднику.

Всегда Ваш Святослав Рихтер».

– Мы с мужем не раз бывали в гостях у Святослава Теофиловича и Нины. Я знаю, что Фурцева помогла им решить еще одну проблему. В Тарусе у семьи был деревянный домишко с одним окном. Великий пианист часто недомогал, ездить так далеко ему было все тяжелее. Дом стоял пустой. Тогда Фурцева выхлопотала ему дачу на Николиной Горе, недалеко от столицы. Помогала ему и в добывании редких лекарств. Примеров такого дружеского участия Фурцевой в судьбах деятелей культуры можно привести много. Да, в этом смысле она была открыта для людей, и люди это чувствовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.